

REFERENCES

1. *Smirnov P.S.* Internal Disputes in the Schism in the XVII Century. SPb., 1898, 237 p. (In Russ.)
2. *Smirnov P.S.* Disputes and Division in the Russian Schism in the First Quarter of the XVIII Century. SPb., 1909, 363 p. (In Russ.)
3. *Guryanova N.S.* Peasant Anti-Monarchy Protest in the old-Believers' Literature during the Period of the Late Feudalism. Novosibirsk, 1998, 188 p. (In Russ.)
4. *Pokrovsky N.N.* Antifeudal Protest of the Ural-Siberian Peasants-Old Believers in the XVIII Century. Novosibirsk, 1974, 394 p. (In Russ.)
5. *Maltsev A.I.* Old-Believers-Stranniki in the XVIII – First half of the XIX Century. Novosibirsk, 1996, 267 p. (In Russ.)

6. *Pokrovsky N.N.* Popular eschatological "Gazette" of 1731. *Issledovaniya po Drevney i Novoy Literature*. L., 1987. pp. 290–297. (In Russ.)

7. *Zolnikova N.D.* The Articles (Statii) of the Monk Nikodim and "The Pomorian Answers". The Problems of Influence and Revision. *Vestnik tserkovnoy istorii*. M., 2011, no 3–4 (23–24), pp. 177–190 (In Russ.)

8. *Subbotin N.I.* Materials for the History of Schism during Its Early Stage of Existence. M., 1879, vol. 5, part 2, 423 p. (In Russ.)

9. *Subbotin N.I.* Materials for the History of Schism during Its Early Stage of Existence. M., 1887, vol.8, part 5, 372 p. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 09.07.2015

DOI: 10.15372/HSS20150306
УДК 930.085+94(47)»1860/1880»

Н.П. МАТХАНОВА

ЗАПИСКИ ЕСАУЛА СИБИРСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА А.П. КАЗИНА*

Наталья Петровна Матханова,
д-р ист. наук, проф., главный научный сотрудник,
Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8
e-mail: istochnik_history@mail.ru

В статье вводятся в научный оборот и анализируются два мемуарных очерка казачьего офицера. Показано их значение для изучения истории военных действий в Средней Азии в 1870-е гг., истории Сибирского казачьего войска, отношения казаков к таким государственным и военным деятелям, как К.П. фон Кауфман, М.Д. Скобелев, взаимоотношений между отдельными группами казачества, а также их быта и нравов. Особое внимание уделено личности мемуариста, отмечена негативная оценка им вооружения и экипировки казаков, обостренное восприятие падения престижа Сибирского казачьего войска.

Ключевые слова: Сибирское казачье войско, мемуары, Кокандский поход 1873–1875 гг., Садык Кенисарин, Пулатхан, М.Д. Скобелев, С.А. Елгаштин, А.П. Казин.

N.P. MATKHANOVA

MEMOIRS OF A.P. KAZIN – ESAUL OF THE SIBERIAN COSSACK ARMY

Natalia P. Matkhanova,
Doctor of Historical Sciences
Institute of History SB RAS
8 Nikolaeva Str., Novosibirsk, 630090, Russia
e-mail: istochnik_history@mail.ru

The principle goal of the article is to introduce for scientific use and to analyze the information potential of memoirs of A.P. Kazin who was an officer of the Siberian Cossack Army. In the first of his essays A.P. Kazin tells about an armed clash between the Siberian Cossacks and a squadron of Sultan Sadyk Kenisarin near the Lake Sari-Kul in 1866, as well as characterizes the military actions of the Russian troops in the well-known battle of Irdzhar. The second essay is devoted to participation of the author, his friends and acquaintances in the Kokand Campaign of 1873-1875. It conveys ordinary Cossacks' evaluations of the contemporary military leaders and statesmen such as D.I. Romanovskiy, K.P. von Kaufman, M.D. Skobelev; describes the military life and the course of military operations including the battle near Telyau; attempts at debunking of a renowned hero of this battle – S.A. Yelgashtin.

*Благодарю руководство и сотрудников Исторического архива Омской области (ИсАОО) за содействие в работе.

The article demonstrates the role of these sources in studying the relationships between various groups of Cossacks, their mentality, attitudes towards the authorities and adversaries. The author of the paper highlights fragments of the memoirs containing pragmatic ideas and hopes typical of the Cossacks – regarding awards, higher wages and plentiful spoils of war. Special attention is paid to the memoirist's personality. His negative evaluation of the Cossacks' weapons and military equipage as well as his keen sense of the decline of the Siberian Cossack Army's prestige are shown. That is the very reason (along with personal enmity) for Kazin's hard-hitting and even sarcastic evaluation of S.A. Yelgashtin's personality, due to Kazin's perception of Yelgashtin as embodiment of all vices typical of many Cossack officers who were undereducated, ill-mannered and unable to carry themselves in a proper way. M.D. Skobelev was admired by the memoirist first of all for his respect for Siberian Cossacks. It is empathized that the memoirist praised the merits and courage of such adversaries as Sultan Sadyk Kenisarín and even the head of Kokand rebels, the cruel Pulat-Khan.

Kazin's memoirs containing numerous details allow us to feel the "real historical atmosphere". His descriptions of everyday life and customs, evaluations of the military officials and troop officers, account of certain historical episodes are of special interest.

Key words: Siberian Cossack Army, memoirs, Kokand Campaign of 1873–1875, Sultan Sadyk Kenisarín, Pulat-Khan, M.D. Skobelev, S.A. Yelgashtin, A.P. Kazin.

История сибирского казачества стала в последние десятилетия одной из самых популярных тем. Исследователи обращают внимание на ее новые аспекты, в том числе на повседневную жизнь казаков, широко вводят в научный оборот новые источники (см., например: [1; 2; 3; 4]). В настоящей статье рассматриваются информационные возможности мемуаров офицера Сибирского казачьего войска, участника военных действий в Туркестане, есаула Алексея Прохоровича Казина¹. Они сохранились в Историческом архиве Омской области в фонде знаменитого историка сибирского казачества генерала Г.Е. Катанаева, который собирал материалы по истории войска, Казахстана, завоевания Туркестана.

Одна из рукописей названа «Из воспоминаний старого есаула» (указано на последнем листе, после подписи), другая – «Воспоминания старого есаула Сиб[ирского] каз[ачьего] 1 Ермака Тимоф[еевича] полка, Старого туркестанца, а также некоторых эпизодов из Кокандского похода». Обе написаны в тетрадях, черными чернилами, на листах линованной желтоватой бумаги форматом 26,5x20,5 см. В обеих имеется авторская правка черными же чернилами, более яркими, частично поверх написанных слов с целью восстановления выцветшего текста. На первых листах вырваны небольшие куски бумаги. Оба мемуарных очерка разделены на главы: один – на три, другой – на пять.

Первым по хронологии описываемого является мемуарный очерк «Из воспоминаний старого есаула», посвященный столкновениям с отрядами знаменитого сына Кесары Касымова – султана Садыка (Сыздыка) в 1866 г. и – коротко – Иридзорскому делу. Во втором мемуарном очерке говорится о службе в 1-м Сибирском полку и участии в ряде важных событий в Туркестане, в том числе в Кокандском походе 1873–1875 гг. Время написания текстов можно определить по их содержанию. В первом, более коротком, очерке говорится: Садык Кенесарин «давно уже принял русское подданство», что произошло в 1877 г. [5, с. 54]. Второй, более обширный, создан после 1885 г., судя по словам о том, что полковник С.А. Елгаштин (1829–1885) [6] уже «покончил свой век». Автор думал о публикации своих сочинений – об этом свидетельствует и стили-

стическая правка, и то, что в самом начале второго очерка подлинное имя Семен Алексеевич Елгаштин зачеркнуто и исправлено на Семен Петрович Елдаков, под которым он и фигурирует в дальнейшем изложении.

В тексте имеется множество ошибок (*подданные, мелиционеры, апетит, орудейный, цытадель, гоубвахта, спитца, выпимшы, десцыплина* и т.д.). Но у автора явно есть некие литературные претензии:

Впереди ехал в коляске К.П. фон Кауфман, окружен[н]ый свитой, джигиты с трех сторон освещали его поезд факелами, он милостиво кланялся и здоровался с каждой частью войска, лошади бежали легкой рысью в экипаже, орудийные выстрелы, духовая музыка, встречные марши и ура! русское ура! На этот раз радушное, а не воинственное; все это переливалось в воздухе и как-то на душе чувствовалось хорошо и приятно, легко, так и думалось, что все сомнения и напряженное состояние, в котором мы были, должно решит[ь]ся приездом этого маленького, но сильного человека! (д. 405, л. 10 об.);

...многим из политиков пришлось познакомит[ь]ся с необозримыми снежными равнинами матушки Сибири, которая с глубоких времен привыкла раскрывать свои широкие объятия для принятия в свое лоно каждого сбившегося с прямого пути гражданина и охлаждать своим холодным лобзанием ненужные и горячие порывы!! (д. 405, л. 12 об.).

В своих воспоминаниях А.П. Казин высоко оценивает одних военных деятелей и резко критикует других. Им представлена субъективная, во многом спорная, но отличная от известных точка зрения на важные исторические события. В ряде случаев он передает распространенные в среде сибирских казаков оценки.

Так, о новом, назначенном в 1866 г., губернаторе Туркестанской области он писал:

Генерал Романовский с первого дня своего приезда произвел на туркестанцев неприятное впечатление, тем более он составлял большую разницу в характере с М.Г. Черняевым, человеком характера открытого, да и при этом сразу зарекомендовал себя при Иридзарском деле не в духе туркестанцев (д. 406, л. 15 об.–16).

Казин вспоминал, что в начале сражения «из вагенбурга, где устроился со штабом генерал Романовский», прозвучал сигнал отступления, который «войска никогда и не слышали и не понимали его значения в военное время. Но к счастью передовыми войсками командовал полковник Абрамов, храбрый из туркестанцев, [он] принял сигнал и дал

¹ ИсАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 405, 406. Далее сноски на эти дела даются в тексте в круглых скобках с указанием номеров дел и листов.

от себя сигнал наступление и усилить огонь». Именно «адский огонь по бухарцам» передовых рот наряду с атакой начальника кавалерии подполковника Пистолькорса с его казаками решили дело. Но в результате слава незаслуженно досталась генералу Романовскому, «ибо все было подготовлено к бою М.Г. Черняевым, да и дух в войскам тоже был Черняевский, которого солдаты боготворили» (д. 406, л. 16 об.–17). По официальной версии, под Ириджаром произошло первое крупное сражение русских войск под руководством Д.И. Романовского с бухарцами. Военный историк М.А. Терентьев, описывая ход битвы, указывал, что командовавшему кавалерией А.В. Пистолькорсу следовало «воротиться назад для содействия» пехоте капитана Абрамова, оказавшейся в затруднительном положении. Но «отойти назад после такого энергического наступления, даже не сразившись... было невозможно», Пистолькорс пустил в ход артиллерию, вслед за которой «влетели и казаки», и одержал победу [7, с. 346–347]. Казин не участвовал в сражении, и сам он указывал источники своей информации: «очевидцы рассказывали» (д. 406, л. 16 об.), т.е. передавал мнение, существовавшее в войске.

Столкновение отряда Казина с садыковцами, чему в основном посвящен первый очерк, также нашло отражение и в официальных реляциях (в журнале военных действий, опубликованном Д.И. Романовским в приложении к его труду), и в литературе (в обобщающем труде М.А. Терентьева). По сравнению с ними в воспоминаниях гораздо подробнее описан ход сражения при озере Сары-Куль. Имеются некоторые разночтения, в том числе в количестве сил у той и другой стороны. «Шайка» или «партия» Садыка, по официальным данным, состояла из 300 чел., а затем была усилена, «по слухам, до 2000» [8, с. 197; 7, с. 343], а русский отряд – из 105 солдат и казаков и около сотни милиционеров. Казин же писал: к моменту решающей битвы «садыковцев было более двух тысяч, а у меня отряд налицо состоял из ста двадцати пяти человек, из них были и больные, и слабые лихорадочные, милицию я не кладу в счет, элемент бесполезный» (д. 406, л. 9 об.).

Несмотря на уничтожительные характеристики противника, Казин высоко ценит мужество, военную удалость и политический авторитет самого Садыка. При появлении Садыка «шайка его, состоявшая из пятидесяти человек, росла моментально в сотни и тысячи. Вся эта армия шла за ним, не требуя от него ни жалованья, ни продовольствия, считала за честь иметь своим вождем такого лихого батыра, как Садык – Кансарин, славного рода Конградовского представитель!!»; «Во всех делах... Садык был всегда в передовых отрядах. Возбудить восстание в мусульманском населении, сформировать отряд хотя бы в русских владениях, это для него не составляло почти никакого труда» (д. 406, л. 1 об., 6 об.). В этом Казин противоречит генералу М.Г. Черняеву, утверждавшему, что Садык «не выказал особенных военных способностей»; а его «деяния были... невелики» [9, с. 28].

Уважение к противнику высказано и в другом мемуарном очерке, в центре которого находится Кокандский поход 1875–1876 гг. Казин отмечает жестокость Пулат-хана, одного из главарей восстания против хана Худояра (Худаяра), с одобрением отмечает, что этот «кроважидный кокандец... искренне ненавидевший русских», был повешен М.Д. Скобелевым. В то же время «Пулат-хан – самозванец, патриот, быть может, своего отечества, но во всяком случае истый враг русских. Но на месте лобном Пулат-хан сохранил вполне свое мужество, не просил пощады у своих врагов, умер настоящим мусульманином, вполне веря [в] предопределение Божие!» (д. 405, л. 9). О союзнике русских хане Худояре Казин отзывается как о жестоком и алчном правителе, восстание против которого было неизбежно, и приводит ходившие среди казаков и солдат слухи о его многочисленных сокровищах.

В этом очерке Казин, как и все историки казачества, высоко оценивает и значение Кокандского похода, и роль сибирских казаков в присоединении Коканда, «где на долю их выпала, можно сказать, самая видная и блестящая роль» [10, с. 52]. При этом он не просто иронически, но издевательски пишет о командире 1-го полка С.А. Елгаштине – одном из героев похода, прославленном в официальной историографии. Автор истории полка и участник событий Н.А. Симонов так описывал роль Елгаштина и действия казаков: «Елгаштин получил приказание выступить» ночью, через час после получения первого известия о вторжении кокандцев в Сыр-Дарьинскую область. «Быстрое движение казаков, прошедших в день 75 верст, заставило» противника отойти от Телляу. На другой день утром генерал Головачев перешел в наступление и «рассеял большую партию кокандцев. Елгаштин весь день преследовал их и только в 11 часов [вечера] вернулся на бивак. В 3 часа утра он снова был выслан навстречу другой партии кокандцев», которую удалось захватить врасплох и уничтожить «лихой атакой» [11, с. 69–70]. В таком же духе охарактеризовано участие С.А. Елгаштина в деле в статье А.М. Белокрыса, введшего в научный оборот его послужной список: «Быстро сориентировавшись в обстановке, подполковник организовал наступление по всем правилам боевого искусства: две сотни ударили во фронт, а еще две – с флангов. Прижав противника к скалам, казаки спешили и продолжили бой... Окончательно довершила поражение неприятеля лихая атака 3-й и 4-й сотен» [6, с. 67].

Рассказ Казина резко отличается:

Не могу не сказать правды, чтобы бестолковые атаки казаков по громадным камням, как будто бы нарочно разбросанным природой по долине, под руководством далеко не опытного к бою, никогда не бывавшего ранее в делах и с превеликого похмелья Елдакова, дали бы какие-либо полезные результаты. Но зато, когда нашим сотням пришлось прикрывать артиллерию, то мы не могли не порадоват[ь]ся тем метким выстрелам капитана Ермолова, который лично наводил орудие и со второго выстрела ясно было видно простым глазом, как ловко попадали щедро отпускаемые разрывные снаряды в самую средину сгустившихся колон[н] Коканд-

ских полчищ на первом перевале гор! Как ловко и метко били стрелки 2 стрелкового Туркестанского батальона, и нам, казаченькам, оставалась легкая работа, гнать и рубить одуревших кокан[д]цев по долинам и щелям. Сто двадцать верст сделали в эти сутки, не слезая с лошадей казаки 1-го Сибирского полка!... Так славно кончилось Телявское дело, которое дало немедленно хорошие результаты... И к удивлению своему С.П. Елдаков попал в герои, получил золотое оружие и с радости запил мертвецкую!! (д. 405, л. 14).

Намек на неподготовленность отряда Елгаштина к немедленному выступлению имеется и в развернутой редакции полковой истории Н.А. Симонова: «Накануне вечером все офицеры полка долго засиделись в лагере, Елгаштин вернулся домой около двух часов ночи, а в три ему подали записку от генерала Головачева» [12, с. 68].

Имя С.А. Елгаштина было помещено в списке выдающихся питомцев Сибирского кадетского корпуса, причем наряду с реальными боевыми заслугами было указано и участие в штурме Андижана, когда полковник якобы «под градом пуль первый с тремя сотнями казаков ворвался в город и занял цитадель и ханский дворец» [13, с. 359]. На ошибочность этого утверждения указал А.М. Белокрыс [6, с. 69], подтверждается это и воспоминаниями Казина.

Трудно сказать, понимал ли А.П. Казин, что в своем стремлении развенчать командира он подвергал сомнению заслуги всех сибирских казаков. Одна из основных идей мемуариста – слава и карьера Елгаштина не заслужены. В самом начале второго очерка он представлен в карикатурном виде: пьяница, не знающий и не соблюдающий приличий, позорящий всех сибирских казаков. Подробно описана скандальная и почти анекдотическая история, произошедшая в саду Минюрок в Ташкенте. В статье А.М. Белокрыса приводится рассказ о «грандиозном гулянье», на которое не были приглашены офицеры 1-го Сибирского казачьего полка из-за неприязненного отношения к их командиру. Обиженный Елгаштин, «подкутивши с офицерами... прибыл к месту гулянья, спешил казаков и приказал им атаковать сад» [6, с. 71]. Казин уточняет: этот эпизод случился в 1873 г., на гуляние были вызваны «по тревоге» приказом командира «несколько сотен казаков нашего полка, спешенных, в боевой амуниции». На широкой поляне около буфета расхаживал Елгаштин, «в казачьих чембарах, казачьих сапогах, на нем отчаянный изорванный китель, казачья простая шапка, фуражка, тоже снятая с казака». Перед ним «казаки песельники в боевой амуниции, лежат на земле носами и чихают, все в пыли» Затем последовал приказ подполковника: ««Чихай! По-собачьи лай! Куси его!» – командует Елдаков, обращаясь к казакам песельникам, все еще лежащим на земле в пыли. – “Это Вы что же делаете, г. подполковник!” – говорю я, обращаясь к Елдакову. – “Дисциплину, значит, восстанавливаю, поход, говорят, скоро будет, так вот, первое дело дисциплина”» (д. 405, л. 4). С трудом удалось уговорить пьяного подполковника исполнить приказ пришедшего генерала и удалиться, помогла и ссылка на супругу

командира: которая «прислала Вам экипаж, она больна и желает Вас видеть» (д. 405, л. 4 об.). «Почтенная публика и начальство с тех пор как-то подозрительно стали смотреть на всех казачьих офицеров, непременно видя в них пьяницу или скандалиста. Но к счастью, скоро подоспел Кокандский поход. А затем славные и геройские дела М.Д. Скобелева с сибирскими казаками 1-го полка восстановили нашу пошатнувшуюся было популярность» (д. 405, л. 7).

Казин стремится доказать, что Елгаштин недостойн своего чина и позорит звание офицера Сибирского казачьего войска. Но совершенно очевидно и другая причина негативной характеристики командира полка – зависть к его блестящей карьере. Уже при описании первых шагов автор утверждает, что тот «случайно попал в Войсковое казачье училище в г. Омске», «случайно попал в образцовую команду в г. Петербург, где так же случайно женился на генеральской дочери, статского генерала» (д. 405, л. 2). Из всей дальнейшей биографии Елгаштина приводятся только сведения о его кутежах, о якобы неудачных действиях под Теляу, о конфликте с М.Д. Скобелевым. Казин всецело на стороне Скобелева: «Неприятные приключения, постоянное неумеренное пьянство г. Елдакова, его дерзкие выходки, грубые казачьи остроты поставили его в очень неприятное положение относительно начальника кавалерии, в то время еще полковника и флигель-адъютанта Михаила Дмитриевича Скобелева» (д. 405, л. 16 об.). Но далее приводятся конкретные примеры недоразумений, и каждый раз оказывается, что начальник кавалерии отдает приказы в обход командира полка его подчиненным. Собственно говоря, именно эту причину взаимного недовольства называет и Н.А. Симонов [12, с. 66], а затем повторяет и А.М. Белокрыс [6, с. 68]. Но доказательства есть только у преклонявшегося перед Скобелевым Казина.

В воспоминаниях Казина нередко проскальзывают такие замечания, которые могут показаться унижающими казачество, но на деле они лишь фиксируют обычные нравы. Вот как воспринята весть о предстоящем возвращении на родину в преддверии Кокандского похода:

Казалось нам странным и обидным идти домой в такое время, когда в воздухе пахло порохом, а вместе с тем мечта о чинах, орденах, усиленное содержание, полугодовые, годовые оклады жалованья не в зачет, для нас были уже недоступны, только в это время не берется в расчет, что можно быть раненым, убитым, эти последние соображения едва ли приходят кому-либо в голову из туркестанцев, лишь бы попасть в действующие войска, а там, что Бог даст! (д. 405, л. 9 об.).

А вот какие мысли появлялись при виде богатства противника:

Яркие и разноцветные цвета халатов и камзолов кокан[д]цев раззадоривали аппетит, как у казаков, так у солдат туркестанских войска, вызывая между ними остроты и желание поскорее завладеть этим добром, ввиду того, чтобы вернувшись на родину в свои станицы и поселки, похвалит[ь]ся своей добычей, большая часть которой немедленно пропивалась и недолго залеживалась в сундуках

при возвращении в родимые станицы и поселки, где долго еще чудится казаку сигнал, призывающий к готовому обеду и ужину с прекрасным свежим мясом, которого им на милой родине едва ли приходится есть в самые светлые и большие праздники, да и то далеко не всем! (д. 405, л. 13 об.).

Казин, разумеется, не видел ничего компрометирующего в корыстолюбивых и честолюбивых устремлениях сослуживцев. Характеризуя положение Сибирского казачьего войска и критически оценивая существовавшие в нем порядки, Казин обвиняет в этом «войсковое начальство того времени. Его небрежное отношение, невнимание, скупость, полная апатия при нарядах казаков в отряды» приводили к тому, что военачальники предпочитали «уральцев, оренбур[г]цев, семирееков». Мемуарист признает обоснованность многих обвинений:

Казаки приходили в отряды на с[к]верных, жалких водовозках, тогда как у нас в Сибири табуны коней необозримы! Огнестрельное оружие в плохом состоянии... Шашки, с едва отпущенным спуском лезвия, в видах экономических, изогнутое древко из родной сибирской березы, с болтающимся наконечником, укрепленным одним плохим гвоздем, громадный обоз, по обстановке более похожий на цыганский табор, все это вместе взятое, производило не только печальное, но удручающее впечатление на военных губернаторов Туркестанского края того времени и ... упрочило славу дурного, ненадежного воинства (д. 405, л. 24–24 об.).

Особо он останавливается на ошибочной, полной предрассудков кадровой политике.

Выбор командиров сотен, да и субалтерн-офицеров, при назначении в отряды на дальние пункты, большею частью падал на офицеров, произведенных из нижних чинов, сиречь «бурбонов»! Люди эти, не получившие никакого образования, усердные поклонники Бахуса, люди корыстолюбивые, нелюбимые и неуважаемые своими подчиненными... Армейские офицеры, вследствие престарелых предрассудков, принимались «да и теперь принимаются» весьма туго и с большим трудом. Выпущенные офицеры из корпусов считались «баричами и белоручками» (д. 405, л. 22 об.–23).

Но еще хуже «бурбонов» были выпускники Оренбургского юнкерского училища.

В него поступали «из писарей, вахмистров, отчасти и из бывших офицерских драбантов; вся эта непотенная публика получала кое-какое научное образование, но цивилизация не коснулась их крылом и снабжала войско людьми с теми же грубыми нравами, дикими взглядами на жизнь, так как переменялась только наружная оболочка, а душа оставалась та же, впрочем, она попорчивалась каким-то странным безверием! Бурбоны-то верили в Бога, не стыдились своего хамского происхождения, не чуждались своих родных, были почтительны не только с начальством, но с уважением относились к офицерам молодым и действительно образованным, державшим себя прилично званию офицера» (д. 405, л. 23–23 об.).

Престиж сибирских казаков – болезненная тема для Казина. Это не является особенностью его индивидуального мироощущения. «К этому времени в об-

щественном мнении господствовало представление о утрате казачеством прежних боевых качеств, низком уровне казачьих офицеров и вообще анахронизме этого вида войск» [14, с. 18]. Не случайно, восторгаясь Скобелевым, он указывал:

М.Д. Скобелев всегда относился к Сибирским казакам с полным сочувствием и видимо симпатизировал сибирякам, повсюду их брал с собою, что возбудило немало зависти у казаков Оренбургских, Уральских и Семиреченских. М.Д. Скобелев приучил нас не только хорошо рубить шашкой, переплывать большие реки, имея в то же время перестрелку с неприятелем, но и научил молодцами ходить на штурм крепостей, словом, только Ему, в то время только начинавшему распускать и расправлять крылья молодого орла! Будущего Героя и Славу Отечества! Не знавшего ни усталости, незнакомого со страхом ни при какой опасности и вместе с тем действительно отечески заботливого начальника! Мир праху Твоему, герой, слава отчизны! И отец маленьких людей! Только благодаря Тебе упавшая слава и воинственный дух нашего Сибирского воинства воспрянул, Твоим геройским духом! И только благодаря Тебе и в России стали знать, что и в Сибири есть добрые молодцы и лихие казаки! Давно и давно бы следовало воздвигнуть в г. Омске и в Войсковом сквере памятник с Твоим изображением, на память и назидание новому поколению, и в знак того, что и Сибирские казаки знакомы с чувством благодарности!! (д. 405, л. 22–22 об.).

А.П. Казин был награжден боевыми орденами, получил чин сотника, вышел в отставку и умер в 1890 г. в возрасте 49 лет. Полученный им земельный участок его вдова пожертвовала на основанный ею женский монастырь [15, с. 319–320].

Воспоминания А.П. Казина – мемуары военного, казачьего офицера, в них, как это обычно и бывало у авторов данной социально-профессиональной группы, описаны главным образом военные действия, жизнь казачества, приведены характеристики сослуживцев и противников. Ценность рассматриваемых воспоминаний заключается не только в том, что они, как и всякие источники личного происхождения, дают возможность ощутить «живой колорит эпохи», но и в том, что они содержат множество новых деталей и оценок. Особый интерес представляют описание быта и нравов, приведенные оценки видных военных администраторов и строевых офицеров, рассказы о конкретных эпизодах из истории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. История казачества Азиатской России: в 3 т. / гл. ред. В.В. Алексеев. Екатеринбург, 1995. Т. 2: Вторая половина XIX – начало XX века. 252 с.
2. Казачьи войска Азиатской России в XVIII – начале XX в.: сб. док. / сост. Н.Е. Бекмаханова. М., 2000. 429 с.
3. Недабай Ю.Г. История Сибирского казачьего войска. Омск, 2004. Кн. 3: 1846–1861 гг. 397 с.
4. Зуев А.С. Казачество Азиатской России // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск: Историческое наследие Сибири, 2009. Т. 2. С. 8–13.
5. Кенесарин А. Султаны Кенесары и Сыздык. СПб., 1889. 133 с.

6. Белокрис А.М. Семен Елгаштин – полковник из старой песни // Московский журнал: История государства Российского. 2008. № 4 (208). С. 64–71.

7. Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. СПб., 1906. Т. 1. 529 с.

8. Романовский Д.И. Заметки по среднеазиатскому вопросу. СПб., 1868. 291 с.

9. Черняев М.Г. Султаны Кенисара и Садык // Русский вестник. 1889. № 8. С. 27–39.

10. Катанаев Г.Е. Краткий исторический обзор службы Сибирского казачьего войска с 1582 по 1908 год. СПб., 1908. 67 с.

11. Симонов Н.А. Краткая история № 1-го Сибирского казачьего Ермака Тимофеевича полка. Омск, 1893. 91 с.

12. Симонов Н.А. Очерк службы № 1-го Сибирского казачьего Ермака Тимофеевича полка. М., 1901. 204 с.

13. Краткий исторический очерк 1-го Сибирского императора Александра I кадетского корпуса. 1813–1913. М., 1915.

14. Ремнев А.В., Суворова Н.Г. Казачество в колонизационных процессах конца XIX – начала XX века // Tartaria Magna. 2011. № 1. С. 18–28.

15. Виниченко С.Н. Крестный путь игуменьи Евпраксии // Тобольск и вся Сибирь. Т. 14: Сибирское казачье войско. Тобольск, 2011. С.319-324.

REFERENCES

1. History of the Cossacks of Asiatic Russia: in 3 vols. / ed. V.V. Alekseev. Yekaterinburg, 1995. Vol. 2: Second Half of the XIX – early XX centuries, 252 p. (In Russ.)

2. Cossack Armies of Asiatic Russia in the XVIII – early XX centuries: Collected documents / comp. N.Ye. Bekmakhanov. Moscow, 2000, 429 p. (In Russ.)

3. Nedbai Yu.G. History of the Siberian Cossack Army. Omsk, 2004, Bk. 3 (1846–1861), 397 p. (In Russ.)

4. Zuev A.S. Cossacks of Asiatic Russia. *Istoricheskaya Enciklopediya Sibiri*. Novosibirsk, 2009, vol. 2, pp. 8–13. (In Russ.)

5. Kenisarin A. Sultans Kenesary and Syzdyk. St. Petersburg, 1889, 133 p. (In Russ.)

6. Belokrys A.M. Semyon Yelgashtin – a colonel from an old song. *Moscovskiy zhurnal: Istoriya Gosudarstva Rossiyskogo*. 2008, N 4 (208), pp. 64–71. (In Russ.)

7. Terentyev M.A. History of Central Asia Conquest. St. Petersburg, 1906, vol. 1, 529 p. (In Russ.)

8. Romanovsky D.I. Notes on the Middle Asian Question. St. Petersburg, 1868, 291 p. (In Russ.)

9. Chernyaev M.G. Sultans Kenisara and Sadyk. *Russkiy Vestnik*. 1889, N 8, pp. 27–39. (In Russ.)

10. Katanaev G.Ye. A brief historical review of the Siberian Cossack Army service in 1582-1908. St. Petersburg, 1908, 67 p. (In Russ.)

11. Simonov N.A. A brief History of the 1st Siberian Cossack Regiment named after Yermak Timofeevich. Omsk, 1893, 91 p. (In Russ.)

12. Simonov N.A. An essay of the 1st Siberian Cossack Regiment named after Yermak Timofeevich service. Moscow, 1901, 204 p. (In Russ.)

13. A brief historical essay of the 1st Siberian Cadet Corps named after Alexander I. 1813–1913. Moscow, 1915. (In Russ.)

14. Remnev A.V., Suvorova N.G. Cossacks in colonization processes of the XIX – early XX centuries. *Tartaria Magna*. 2011, N 1, pp. 18–28. (In Russ.)

15. Vinichenko S.N. Way of the Cross Abbes Eupraxia. *Tobolsk i vsya Sibir*. Tobolsk, 2011, vol. 14, pp. 319–324. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 03.06.2015

DOI: 10.15372/HSS20150307

УДК 027.2

Е.А. БАЗЫЛЕВА

БИБЛИОТЕКА ТРОИЦКОСАВСКО-КЯХТИНСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ ПРИАМУРСКОГО ОТДЕЛА ИМПЕРАТОРСКОГО РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Елена Анатольевна Базылева, канд. ист. наук,
старший научный сотрудник,
Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН,
РФ, 630200, г. Новосибирск, ул. Восход, 15,
e-mail: bazyleva_ea@mail.ru

Статья посвящена истории создания и функционирования библиотеки Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Императорского Русского географического общества (ТКО ПОИРГО) в дореволюционный период. Библиотека формировалась благодаря пожертвованиям от различных научных учреждений и частных лиц, в дальнейшем пополнение фонда происходило преимущественно за счет книгообмена, в меньшей степени путем покупки изданий. Дублетные издания стали основой обменного фонда, способствовавшего росту фонда библиотеки даже при отсутствии денежных средств. Библиотека ТКО ПОИРГО стала хранилищем краеведческих изданий, главным образом местной периодики. Отмечается ее роль в формировании научного и культурного потенциала региона и ее вклад в развитие отечественной книжной культуры.

Ключевые слова: библиотека, Троицкосавско-Кяхтинское отделение Приамурского отдела ИРГО, Императорское Русское географическое общество, книжная культура.